

В краю Тургенева и Фёта

«Господи, продли всё это...»

В нынешнем году замечательному орловскому прозаику Ивану Алексеевичу Рыкову исполнилось бы 85 лет.

фото orelpisatel.ru

Иван Алексеевич Рыков родился 19 апреля 1936 года в деревне Коровье Болото Урицкого района. После службы на военно-морском флоте работал на орловском заводе приборов, с 1961 по 1974 год — в областной газете «Орловский комсомолец»: сначала сотрудником, затем редактором газеты. Первые рассказы Рыкова были опубликованы в 1964 году, в 1967-м вышли из печати первые сборники «Под одной крышей» (Приокское издательство) и «Открытие» (издательство «Советский писатель»). Тогда же, по рекомендации Е. К. Горбова, был принят в Союз писателей СССР, ещё будучи студентом Литературного института им. А. М. Горького.

В последующие годы вышли в свет книги «Последний корень» (1968), «Вратарь Сашка Катухов» (1970), «Кинь грусть» (1971), «Горькая рябина» (1976), «Звёзды в травах» (1984), «Длинные дожди» (1989), «Звезда любви приветная» (1989), «Зеркало» (1992), «Аринкин хутор» (1994), «Позднее свидание» (1996), «Встреча» (2000), «Проза жизни» (2005). Рассказы Ивана Рыкова из книги «Последний корень» были переведены на болгарский язык. Его произведения печатались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Роман-журнал XXI век», включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели орловского края. XX век». По рассказу писателя «Запах земли» в 1979 году на киностудии «Мосфильм» был снят короткометражный цветной фильм «Блажной».

С 1987 по 1989 год Рыков возглавлял Орловскую областную писательскую организацию. Был удостоен звания заслуженного работника культуры России, награждён орденом «Знак Почёта».

Иван Рыков, известный ярким и точным описанием жизненных ситуаций в миниатюре, был признан одним из лучших мастеров современного рассказа, являясь членом Высшего творческого совета Союза писателей России. Он стал первым лауреатом Всероссийской литературной премии имени И. А. Бунина Союза писателей России (1994), был отмечен юбилейной Пушкинской премией администрации Орловской области (1999).

Ивана Алексеевича Рыкова не стало 21 февраля 2006 года, он похоронен на Троицком кладбище в Орле.

ИВАН РЫЖОВ

ТАЮ

Начало декабря. То мороз, то дождь. Погоды странные, смутные, слякотные. Чуть ли не конец света — по определению дворовых старух.

Гуляем по улицам, в парке с внучкой. Я уже старый, ей — три года. Идём осторожно — скользко. Посмотрела вокруг, говорит: — Дедушка, давай ещё медленно поскользим.

Чуть-чуть прошлись. Заморозил непонятный туманный зимний дождик.

— Дедушка, слышишь, как шелестит дождик...

Удивляюсь: как слышит звук? Откуда эти слова?

А она:

— Я люблю дождик.

Холодно, ветрено, а ей хоть бы хны.

Повернули, заспешили домой. Скользко. То и дело падает.

— Дедушка, ножки хулиганят. Спрашивает уже перед домом:

— Ты меня любишь? Я тебя очень люблю...

Таю...

ВОРОБЕЙ

Скачет по улицам, глухим тупикам. Серый, порой обтрёпанный, но всегда живой. Там клоунет, там взлетит — опять живой... Гляжу — удивляюсь.

Мне бы так скакать, не оглядываться. И вдруг встречаемся: *Стареют радости мои, И обновляются тревоги, На изумительной дороге Душа об отдыхе молит.*

Читает божок, старый, обтрюханный — пьяный. Остановливаюсь, замираю, спрашиваю: кто? Он мнётся, что-то мычит, потом вспоминает:

— Мустанг Карим.

И как молния: русские, башкиры, татары — одна суть. Спорим, говорим, кричим: а радости стареют и обновляются тревоги.

ОРЛОВСКАЯ

Улица. Переход. Базар. Запахи — не продохнуть: петрушка, эстрагон, огурцы... Иду, нохаю, восхищаюсь.

— Бабуля, сколько стоит?

Молчит, вскидывается, говорит:

— Сколько дашь, сыночек.

Николай Силаев. Иллюстрации к книге Ивана Рыкова. 2005 г.

Оглядываю, замираю: огурцы светло-зелёные, прямые, тонкие — прелесть. Помидоры не привозные, орловские — на вкус кисло-сладкие, розовые, петрушка завялая, стручки перца кривые, бледные, а рядом хохлушки со своим товаром: там всё ярче, глазастее... Гомон, крик.

Летнее утро. Запахи. Душно.

— У меня всё чистое, настоящее, — говорит она, старая, печальная, почему-то невыразимо близкая.

И я отворачиваюсь от тех бойких, крикливых и опять спрашиваю:

— Хватит?

А она низко кланяется, говорит «спасибо», а запахи всё плывут и плывут, всё толще толпа народа, и она, такая старая, небоходимая. Орловская...

ПРАЗДНИК

Глухая деревня. Успение — престольный праздник. Пляшут тридевки. Трясут рукавами, припоттывают, брызгают желудёвыми, карими, смородиновыми глазами.

Голоса дурные, вещи, звонкие...

Пойду плясать, алыни пол хрустит,

А я девка молодая — меня Бог простит.

Простит, простит... Мимо идёт дед Степан, останавливается, изумлённо говорит:

— Ах, как хорошо. Как хорошо. Как нужна гармошка, — с тоской повторяет он.

Глухая далёкая деревня. Гармониста нет. Горячее солнце. Даль полей. И они: три девки, дед Степан и я, случайно попавший сюда...

ОДНИМ ГЛАЗОМ

Старая деревня заросла бурьяном по самые крыши. Одиноко, глухая улица. Сидит и дремлет, в тёплой шапке, в смятых сапогах, никому не нужный. Дни мирные, очаровательные.

Мимо идёт старуха Марья, согбенная, но однако ещё шустрая. Останавливается, пристально взглядывается, потом говорит:

— Сидишь?

— Сижку, — устало отвечает он.

— Ага, — неопределённо соглашается она. И вдруг взрывается.

— Как смотришь на теперешние события? Пенсию получил?

— Как, как, — отрешённо отвечает он. — Как и ты...

— Дурак, — плюётся она.

Он молчит, ничего не отвечает. Кривой, одинокий, почти что слепой глаз взморгивает, пустая белая глазница другого напрягается, он поправляет свалывшуюся шапку, ёрзает задом и... опять молчит.

Старуха Марья почему-то сердится, громко спрашивает:

— Как смотришь на теперешнюю жизнь?

— Как, как, — зло отвечает он. — Одним глазом.

Предвечернее время. Весна. Вдали чёрные гряды посадок отчётливо выделяются на ясном небе. Терпкие запахи поля, трав... И рядом, над головой, стон, стон, воркование перелетающих с места на место горлиц...

— Одним глазом, — мёртво повторяет он.

А сам напрягается, устремляется куда-то вдаль...

Что ему видится, слышится там?

Один Бог знает...

УТРО

Раннее деревенское утро. Росные травы по пояс, блестят, переливаются катышками серебряных капель. Небо ещё бледно, солнце только-только поднимается из-за ближнего круглого бугра, ещё сонно, но уже весело взлетают овсянки, хрустально возвещающая о новом молодом дне. Застонал чибис на ближнем изумрудном свежем лугу. Как хорошо! И неторопливо шагая к узкой, увитой сплошь ивами, речке, говорю себе:

— Дай, Господи, полной жизни, светлого неба, этой зелени. И подольше дней, лет... И так бы ходить изо дня в день, всё это видеть... Что ещё нужно?

Я

Пологий жёлто-серый скользкий берег, яшмовая ряска, спокойная стоячая вода — и я. Сижку, смотрю, улыбаюсь — солнечные блики, лёгкая рябь, пырк-пырк — мелькает, бежит вниз головой по серому усталому толстому стволу вяза нарядный королёк...

Радостно! Вдруг всплывает, отряхивается водяная старая крыса. Сухие иголки торчком — умылась, огляделась — поплыла дальше.

В далёком синем небе птицы, гомон, близкое треньканье синиц, на руках, пиджаке божьи коровки...

Даль, синева, бутыльно-зелёная речка, вековая блаженная тишь, кроткое умиротворённое поле, стойкий лай деревенских собак — и я.

Хорошо! И молюсь: «Господи, продли всё это: речку, птиц и меня в этой горькой и прекрасной жизни...»